

ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ДИСКУРСЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА

В.И. Ионесов

Самарский государственный технический университет
4430100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: ionesov@mail.ru, inservice@list.ru

Современный мир находится в состоянии турбулентности и перехода. В основе глобальных потрясений лежит кризис идентичности. Трансформация структур межкультурных отношений расширяет мировой порядок и создает конфликтогенные области социальной напряженности. Мир культуры разбалансирован и остро нуждается в структурных преобразованиях, причем структурные трансформации должны охватывать весь спектр отношений между культурами. В контексте глобализации подлежат структурной оптимизации отношения между современными культурами, между современностью и архаикой, между гуманитарными и естественными науками, между традициями и инновациями, между наукой и искусством и т. п. Настоящая статья раскрывает эти и другие вопросы в дискурсе гуманистического рационализма.

Ключевые слова: культура, глобализация, интеграция, структурализм, конфликт, примирение.

Структурную антропологию Леви-Строса можно определить как *философию объединяющего умиротворения*. Идеи этой философии наделяют благословением первочеловечество, выстраивают связь времен и привносят в современную культуру назидательную мудрость тысячелетий. И все это осуществляется в пределах структуралистской модели формирования интегральной диверсификации или единораздельной целостности.

Леви-Строс является, по существу, родоначальником современной философии гуманистического рационализма. Трудно найти антрополога, который бы так проникновенно и обстоятельно защищал Человека и одновременно связывал с ним судьбу всего человечества. Леви-Строс не разделял понятия «Человек» и «Человечество», поскольку нельзя защищать и поддерживать одного, пренебрегая другим. Индивидуальное так же бесценно для культуры, как и универсальное. Развивая локальное, мы тем самым укрепляем и общечеловеческое, планетарное. Человечество не может спастись избирательно, врозь. Защищая и спасая человека архаической культуры, мы прокладываем путь также к спасению современного человека. Сохраняя прошлое, мы помогаем настоящему решать насущные проблемы современности и прокладываем путь в будущее. Между тем в современном мире все еще сильны предрассудки по поводу того, насколько важным является сохранение культурного наследия архаических народов.

Концептуализируя проблему интеграции и сотрудничества культур, Леви-Строс развивает идею релятивистского эволюционизма. «Для наблюдателя в физическом мире те системы, которые эволюционируют в том же направлении, что его собственная, представляются неподвижными, а наиболее быстрыми – эволюционирующие в

других направлениях. И наоборот для культур, поскольку они представляются нам тем более деятельными, чем в большей мере направление их перемещения совпадает с нашим, и стационарными – при расхождении в ориентациях... Никакая культура не одинока; она всегда в коалиции с другими культурами, что и позволяет ей выстраивать кумулятивные ряды» [3, стр. 338-339]. «Представление о мировой цивилизации как некоем предельном понятии или как сокращенный способ обозначения сложного процесса... Мировая цивилизация может быть только коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняет свою самобытность» [3].

В организации коалиции культур Леви-Строс видит двойное значение прогресса. Всякий культурный прогресс есть функция коалиции культур. Эта коалиция состоит в том, чтобы сделать общим достоянием те *шансы*, что встречаются каждой культуре в ее историческом развитии. Эта коалиция тем более плодотворна, чем разнообразнее культуры, между которыми она устанавливается [3].

В методологическом осмыслении мультикультурных трансформаций весьма полезной является идея Леви-Строса о дифференциальных разрывах, прописанная в его знаменитой работе «Раса и история». «Подлинный вклад культур состоит не в списке частных изобретений, а тех *дифференциальных разрывах*, которые имеются между ними» [3]. Леви-Строс определяет три пути, или способа (дифференциальные разрывы – новые партнеры – новые способы), позволяющих преодолеть гомогенизацию культурных ресурсов, поскольку длительное взаимодействие культур помимо всего прочего неизбежно приводит к уподоблению культур и стиранию различий между ними, что угрожает выживанию и развитию человечества. Одно из них состоит в провоцировании каждой культурой в процессе взаимодействия появления *дифференциальных разрывов*. Великие революции – неолитическая и индустриальная – сопровождались не только диверсификацией социального тела (как это хорошо увидел Спенсер), но также утверждением социальных статутов групп, особенно с экономической точки зрения. Второе средство обусловлено во многом первым: введение волей-неволей в коалицию новых партнеров, на этот раз внешних, «вложения» которых весьма отличаются от тех, что характеризуют первоначальную ассоциацию (ср. эпохи «империализма», «колониализма»). «В обоих случаях средство состоит в расширении коалиции – либо через внутреннюю диверсификацию, либо через принятие новых партнеров... Возможно, конечно, что появление в мире антагонистических режимов, политических и социальных, следует интерпретировать как третье решение; диверсификация, возобновляясь всякий раз на другом плане, позволит сохранить на неопределенное время – через изменчивые формы, не перестающие удивлять людей – это неравновесное состояние, от которого зависит биологическое и культурное выживание человечества» [3].

Основное противоречие современной эпохи, вызванное переплетением двух противоположных тенденций – стремления обрести себя и свою идентичность (т. е. быть отличным от других) и желания объединиться с миром (т. е. быть таким же, как все), обусловлено той ситуацией, при которой в культуре «сколько сил связываются, столько же и освобождаются» (Э. Кассирер). Симптомы диверсификации культуры порождают различные вызовы – мир становится все более сложным и трудноуправляемым, растут препятствия и обостряются конфликты. Но одновременно расширяются возможности межкультурного сотрудничества, углубляются связи и усиливается интеграционный процесс. Это означает, что разнообразие служит во благо культуры лишь тогда, когда оно прорастает на почве идентификации. Без идентификации единичного не может быть разнообразия целого. Глобальные трансформации в современной культуре есть прежде всего результат встречи, столкновения и взаимодей-

ствия двух разнонаправленных трендов – унификации и индивидуализации. Именно они создают основную интригу мультикультурной интеграции и определяют содержание современной эпохи. «Прогресс не делается по удобному образу «улучшенного подобию», но всегда полон приключений, разрывов и возмущений. Человечество постоянно борется с двумя противоположно направленными процессами, один из которых имеет тенденцию к учреждению унификации, тогда как другой нацелен на удержание и восстановление диверсификации... В двух планах, на двух уровнях, мы имеем дело с двумя различными способами *самосозидания*». И задача состоит в том, чтобы «спасти факт разнообразия, а не историческое содержание, придаваемое ему каждой эпохой», – пишет Леви-Строс [3].

Леви-Строс как-то заметил, что «варвар – это в первую очередь человек, верящий в варварство» [3]. Действительно, все наши недостатки спроецированы на других людей. Больное сознание видит, как правило, больных людей. Чем варваризированнее мышление, тем чаще оно порождает варваров вокруг себя, привешивая на людей маски и ярлыки всевозможных демонов и злодеев.

Отчего и откуда это происходит? Попробуем разобраться в некоторых аспектах данного вопроса. Незнакомая, чужая культура воспринимается нами лишь контурно, в своих общих чертах, без деталей и контекстов. Чем больше мы познаем культуру и включаемся в диалог с ней, тем более развернутой и детализированной она предстает перед нами, и мы начинаем все больше различать в ней особенностей, полутонов и специфических оттенков. Поскольку общее всегда не прочерчено в деталях, ее восприятие построено на черно-белых контрастах и сопряжено с бинарным противопоставлением «свой – чужой». Но когда не видны детали, мы замечаем лишь самые внешние признаки культурной общности: сначала этноантропологические характеристики – цвет кожи, разрез глаз, традиционную одежду и пр., затем лингвистические – языковую принадлежность и религиозные – вероучение и ритуальную практику (поведение). В этой модели восприятия незнакомой культуры все сориентировано на отделение своего от чужого и подчеркивание непреодолимой дистанции между ними. Там, где все подчиненно общему, создаются наилучшие условия для тоталитаризма и нетерпимости. Предельная обобщенность, в конечном счете, оборачивается своими крайними формами – агрессивным национализмом, шовинизмом, фашизмом, фундаментализмом и пр. У незнания всегда один цвет, ибо тьма невежества стирает различия и все, что не вписывается в понятие «свой», объявляется враждебным и угрожающим. Невежество формирует монокультуру, основанную на страхе и нетерпимости, которая подавляет разнообразие и заглушает инакомыслие. У невежества нет сомнения, ибо сомневаться можно там, где есть возможность выбора, отступления или подтверждения. В отличие от невежества знание просветляет, т. е. освещает мир и делает его различимым, разнообразным и узнаваемым. Тьма безликого общего расступается перед светом особенного. Но когда особенности различаются и распознаются, они становятся предпосылками для сближения и объединения. Общему же не с чем объединяться – в нем нет различий и деталей, ему свойственна лишь монополярная власть и деление на «своих» и «чужих».

Диалог с другими культурами приумножает знания и расширяет пространство разнообразия, включая в него все больше культурных сущностей. Каждая культура начинает лучше понимать того, с кем общается, а значит, и себя тоже. Самый сильный страх всегда исходит от общего. Самая сильная тяга – всегда к особенному и через особенное. У симпатичного нам человека мы замечаем даже мелкие черты его характера, тогда как у неприглядного нам недруга мы видим лишь обобщенный и пугающий образ врага. Конечно, у невежества есть своя культура знания. У невеже-

ства, как и у страха, «глаза велики». Но это знание больше напоминает психоаналитическую рационализацию или самообман, попытку рационально обосновать абсурдный импульс или идею в интересах бессознательной стороны нашей природы. В этом смысле у страха зоркий взгляд и обостренный слух. Но поскольку страх происходит от неуверенности, от внутренней расстроенности, то для него характерна спешка и одномерность. Страх хорошо видит общее, его стихия – созерцание внешних очертаний и нескончаемые противопоставления. Но ему не свойственно различать особенности, детали и тем более искать их согласования. Психосенсорика страха позволяет быстро реагировать на вызовы внешней среды, но в то же время оказывается совершенно беспомощной в ситуации культурного плюрализма и дифференциальной множественности. Незнание других культур разрушает знание о своей собственной культуре и часто служит самооправданием своих ошибок и просчетов. Языковая культура страха и невежества сформирована на основе общих форм, самых низменных и неизменных шаблонов. В ней преобладают образы врага, зла, чужого, войны, страха, нетерпимости и пр. Это наглядно проявляется в стремлении некоторых обиженных людей все беды общества списывать на «врагов народа», «жидов», «мигрантов», «олигархов» и разделять общество на своих и чужих, белых и черных, красных и белых, патриотов и предателей и т. п. И вся эта одномерность происходит от фиксации и абсолютизации все того же общего (внешнего), за которым не просматриваются детали, полутона, оттенки, т. е. все те созидательные возможности разнообразия, которые взаимообогащают и сближают культуры.

Таким образом, лучшим средством преодоления нетерпимости и невежества является межкультурный диалог и умение быть полезными друг другу в ситуации разнообразия, взаимодействия и сопоставления. В межкультурном диалоге формируются знание и понимание, которые способствуют переходу культур от сепаративной отчужденности к интегративной вовлеченности, но уже не к безликому общему, а к единораздельной целостности. Незнание других культур нацелено на языковые клише, социальную нетерпимость и одномерное восприятие той культуры, с которой мы недостаточно знакомы или совсем незнакомы. Встречаясь с незнакомой культурой, мы фиксируем лишь самые общие родовые признаки, отличающие нас друг от друга, т. е. мы видим, чем незнакомая нам культура отличается от нашей в своем внешнем проявлении, но не различаем незнакомую культуру внутри себя самой, все и всё в ней кажется нам похожим и единообразным. То есть если мы не владем знанием о культуре, с которой встретились, и не имеем опыта общения с ней, то первое, что мы замечаем, – это наши антропологические и межкультурные отличия друг от друга. Не случайно лица людей далекой от нас культуры, например африканских пигмеев, австралийских аборигенов, жителей Китая или Кореи зачастую представляются нам похожими друг на друга в пределах своей этнокультурной общности. Мы сходу отличаем их от нас, фиксируя наши радикальные с ними внешние различия, но при этом все они внутри своего общества кажутся нам будто бы «на одно лицо». Но стоит нам приобщиться к культуре друг друга, длительно общаться и развивать межкультурные связи, нам постепенно открываются детали, и мы начинаем узнавать то, чего не замечали раньше, при первой встрече. Сближаясь, культуры все сильнее различают свои внутрисоциальные особенности и, наоборот, все сильнее замечают общее в межсоциальном общении. То есть чем больше культуры находят между собой только внешние различия, тем меньше они замечают различий во внутрикультурных системах друг друга, так же как чем меньше культуры фиксируют между собой внешние различия, тем больше они различают внутрикультурные особенности друг друга. То есть постулируется следующая тенденция в межкультурном диалоге сильно

различающихся сообществ: *обобщенное осознание отличий во внешних отношениях с другой культурой обратно пропорционально осознанию различий во внутрикультурной среде*. Чем выше степень обобщения внешних различий, тем ниже степень распознавания отличий внутри культурных систем в восприятии друг друга. Можно сказать и так: чем больше культуры замечают внутри друг друга различий, тем больше они находят общих точек соприкосновения в своем межкультурном диалоге. Следовательно, когда культуры не взаимодействуют и существуют сепаратно, любая встреча с другими культурами воспринимается как конфликт различий, причем самых общих и фундаментальных различий, то что «видно издалека» и «со стороны». Но при этом сепаратные культуры упорно не видят того, что есть «вблизи», т. е. различий внутри соприкоснувшихся культур. Культуры в ситуации нарастающего взаимодействия все больше сближаются и начинают замечать то, чего не замечали раньше не только в межсоциальных отношениях, но и во внутрикультурных сообществах друг друга. Именно эти внутрикультурные различия принуждают искать внешние объединительные связи [1].

Если культуры не различаются по существу, то они никогда не притягиваются друг к другу. Различия по форме, т. е. внешние предельно обобщенные противопоставления, почти всегда отталкиваются, они несовместимы, тогда как различия по существу притягиваются, им всегда не хватает друг друга, они устремлены к «единораздельной целостности» (В.С. Соловьёв) или «органической солидарности» (Э. Дюркгейм). Разумеется, данный процесс не идет прямолинейно, а разворачивается противоречиво, напряженно и даже драматично. Однако по своей природе актуализированные различия или, иначе говоря, самоидентифицированные сущности озабочены не столкновением, но взаимопроникновением, они ищут новые возможности самообретения и воссоединения, их стихия – диалог, сопоставление и примирение. У этих различий разные функции, но одна цель – обеспечение жизнеспособности культуры. Леви-Строс неоднократно подчеркивал, что «...никакая часть человечества не может понять себя иначе, как через понимание других народов» [2].

Таким образом, межкультурная коммуникация является способом не только самоидентификации, но и дифференциальной интеграции народов. Сближаясь через диалог и социальное взаимодействие, культуры не только лучше узнают друг друга, но и самоидентифицируют себя, пробуждая друг в друге стремление к миру и сотворчеству.

Но как тогда объяснить, что чаще всего войны происходят между соседями, которые тесно взаимосвязаны как общением, так и культурными традициями? Действительно, самые ожесточенные войны – это войны с близкими по типу культуры государствами-соседями. К примеру, нескончаемые войны между народами, веками живущими на одной территории и в тесных взаимоотношениях друг с другом (войны между евреями-израильянами и палестинскими арабами на Ближнем Востоке, между армянами и азербайджанцами в Нагорном Карабахе, между сикхским, мусульманским и индуистским населением Пенджаба и пр.). На первый взгляд, этот вопрос кажется совершенно обоснованным. Но в действительности он не противоречит вышеизложенным доводам, хотя и требует некоторых пояснений. Первое, что нужно отметить, – это то, что межкультурное общение близких народов в ряде случаев действительно может привести к стиранию их различий и потери идентичности. Особенно часто это случается, когда культурные различия нивелируются исходя из политических и идеологических интересов государства-метрополии или со стороны тоталитарной системы, когда внутренние различия всячески подавляются и самобытные традиции ассимилируются более сильной и многочисленной господствующей нацией. В этой ситуации слишком тесные и длительные контакты между соседними народами действительно могут сопровождаться их столкновением и даже войной. Но это происходит не столько из-за их различий, сколько по причине их размытости,

недостаточной идентифицированности и структурной упорядоченности. Это означает, что борьба идет не в силу столкновения культурных различий, а напротив за овладение ими, обретение своей самобытности, узнаваемости, независимости. Когда стирание различий между соседними культурами достигает критических значений, т. е. наступает «кризис различий», культура поднимается на борьбу за свою идентичность и начинает защищать себя всеми возможными способами, в том числе и прибегая к вооруженному сопротивлению и войне. Все это делается для того, чтобы вновь обрести различия и свою культурную идентичность.

Кроме того, распространенный долгое время взгляд на причины возникновения социальных конфликтов сводился к тому, что всякое противоборство обусловлено различиями культур, расхождением их традиций и жизненных интересов. Однако настал момент реабилитировать различия. Война объявляется не различиями, а напротив их отсутствием, схожестью внешних устремлений. Современная конфликтология подтверждает, что насилие и конфликты чаще случаются с себе подобными, при столкновении одних и тех же стереотипов и намерений, нежели из-за их культурных различий, поскольку одинаковость всегда предрасположена к конфликтам. Одномерным сущностям всегда есть что делить, поскольку того, что они хотят, на двоих, как правило, не хватает. И начинается борьба за ресурсы, и в этой борьбе проигрыш одного всегда означает выигрыш другого, поскольку другому достанется больше. У одномерных сущностей – одни и те же желания, одни и те же возможности, и потому война идет, как правило, за одну и ту же территорию, за одни те же ресурсы. Конфликтующие стороны очень похожи друг на друга и жаждут, по существу, одного и того же. Каждая противоборствующая сторона повторяет поведение своего противника, всякий раз воспроизводя почти с симметричной точностью действия вражеской стороны. На завершающей стадии конфликта обе противоборствующие стороны практически полностью саморастворяются друг в друге и обезличиваются. В борьбе они переняли друг у друга все то, против чего изначально выступали, и стали неразличимыми [1].

Таким образом, именно стирание различий создает реальные предпосылки для структурной дезинтеграции и конфликтной напряженности. При этом можно допустить, что чем сильнее стираются различия между культурами и обезличиваются их отношения, тем ожесточеннее их противостояние и разгул насилия. Вот почему нет ничего кровопролитнее гражданской войны и преследования инакомыслящих в тоталитарных режимах (ср. Гражданская война в России, сталинские репрессии, геноцид Пол Пота и Янг Сари в Камбодже и пр.). Всякое насилие, как показывают исследования Леви-Строса, есть дисфункция структуры. Это подтверждают и работы Й. Галтунга [4], развивающего концепцию структурального насилия в системе международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ионесов В.И.* Структурализм как гуманизм: идеи социального примирения и развития в концепции культуры Клода Леви-Строса // Разнообразие и идентичность: гуманистические основания всемирного наследия и мультикультурной деятельности: Материалы международного науч. конф. (26-27 ноября 2009, Самара). – Самара: СГАКИ, 2010. – С. 74-125.
2. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
3. *Леви-Строс К.* Путь масок. – М.: Республика, 2000. – 399 с.
4. *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969), pp. 167-191.

Поступила в редакцию 24.10.2012

В окончательном варианте 24.10.2012

V.I. Ionesov

Samara State Technical University
244 Molodogvardeiskaya str., Samara, 443100
E-mail: ionesov@mail.ru, inservice@list.ru

The modern world is in the state of turbulence and transition. In the basis of global changes there is a crisis of identity. The transformation of cultures of intercultural relations shakes the world order and covers conflict areas of social tension. The world of culture is disbalanced and needs sharply structural changes. Structural transformations must occur in all the types of relations between cultures. In the context of globalisation relations between modern cultures, between archaic and the present time, between humanitarian and natural sciences, between traditions and innovations, between science and art need structural optimization. The article under discussion is intended to describe these and other questions in the discourse of humanistic rationalism.

Key words: culture, globalization, integration, structuralism, conflict, reconciliation

Original article submitted 24.10.2012

Revision submitted 24.10.2012

Vladimir I. Ionesov, Head of Centre of Visual Communication and Multicultural Activity of Department of Psychology and Pedagogics, Samara State Technical University.

УДК 37.026

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В.А. Касторнова¹, Д.А. Дмитриев²

¹Череповецкий государственный университет
162600, г. Череповец, Вологодская обл., пр. Луначарского, 5
E-mail: chsu@chsu.ru

²Тольяттинский государственный университет
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: Jordan-dima@yandex.ru

Рассматривается современное состояние научных исследований в области возникновения, становления и развития понятия образовательного пространства в различных его научных аспектах. Кроме того, затрагивается взаимосвязь понятий образовательного пространства и информационно-образовательной среды в контексте информатизации системы образования.

Ключевые слова: образовательное пространство; образовательные услуги; информатизация образования; информационно-образовательная среда; система образования.

Образовательное пространство с точки зрения феноменологической интерпретации можно рассматривать как пространство включенности субъекта в тотально образовательное пространство, представляющее собой системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью и данное субъекту через вос-

Василина Анатольевна Касторнова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной информатики.

Дмитрий Андреевич Дмитриев, младший научный сотрудник научного образовательного центра «Перспектива», аспирант.